

**Інтерв'ю 17, хвиля 2 (осінь 2022 року)
Чоловік/50 років/Херсон/не виїжджав/21.12.22/офлайн**

Примітка про анонімізацію: задля безпеки респондентів із транскрипту інтерв'ю прибрані дані, що можуть вказати на їх особистість або їх близьких. Імена людей і тварин сховані за *, населені пункти, будівлі, заклади, дати народження або інших особистих подій тощо видалені та замінені поясненням у квадратних дужках.**

И: Да, расскажите про себя... Может, у Вас ко мне какие-то вопросы будут? *(звучит музыка в кафе)*

Р: Да пока нет.

И: Да, ну, то есть, Вы можете отказываться от любых вопросов, если что-то будет...

Р: Не, ну, то понятно...

И: Да. Ну, первый вопрос: расскажите про себя, чем Вы занимались до вторжения? Ну, и как вообще всё сложилось эти месяцы?

Р: Ну последние, сколько, лет семь-восемь занимаюсь спортом, трени... тренирую. Ну, помимо параллельно подрабатывал, там, то дворником работал, то вахтёром во [учреждение]. Ну, такое.

И: А какой спорт?

Р: [Вид спорта].

И: Угу, а я вот просто тоже занимаюсь, это очень какое-то совпадение *(улыбаясь)*. Мне Л*** скинул, как бы, там, несколько контактов людей в Херсоне, и я говорю: “Ого, тренер по [вид спорта]”. Как Вы столкнулись с этим видом [спорта]?

Р: Ну, я начал заниматься поздно, в сорок два года, до этого я к спорту отношения не имел вообще ни к какому. Вот. Ну, я работал раньше водолазом, вот, всю жизнь. Ну, там были нормальные нагрузки такие, вот, то есть я был в форме. Потом ушёл на пенсию, вот. Ну, и начал вес набирать, начал полнеть, от. Курил я, ну, раньше курил, потом бросил курить, ну, и просто нагрузки пропали, бросил курить, начал сильно полнеть. Ну и всё: задышка началась, там, короче, шнурки мне завязывали – не потому, что я блатной, а я не мог наклониться *(улыбается)*.

И: Угу.

Р: Вот. Ну и всё, и я решил просто, ну, бегом сначала заняться, похудеть. Получается, где-то, ну, неделю побегал, хотя бегаю и шас, до сих пор бегаю. Получается, ну, как-то скучновато, захотелось... А ещё, получается, так оно получилось... чи “Хата на тата”, чи як-то так называется передача...

И: Угу.

Р: Вот, и я просто, ну, смотрел, от, телевизор был включен, я как раз слушал, вот, и показывают, тоже, там, папу одного, там, проучить – он сына обижал, да. И он пришёл в клуб боевого самбо, его, там, привели, короче, ну. Я думаю, о, ну, может, и мне пойти туда – там тоже можно по морде пополучать, от *(с самоиронией, улыбаясь)*.

И: Оказалось, что не по морде *(смеётся)*. Я шучу.

Р: Не, я сначала пришёл в клуб [вид спорта], от, я походил, ну, как-то он так назывался. Но, там, в принципе – я девять месяцев походил – там была тяжёлая разминка, от, я сбросил вес, пришёл в форму, курить я бросил ещё до этого. Вот, и, получается, это, ну, там было неинтересно потому, что, ну, там не было ни техники, ничего, это просто, вот, грубо говоря, как бы, зал давали нам, и вы там сами себе занимались, да и всё. Вот. Ну, и плюс, там, ребята, которые там занимались уже давно в этом клубе: кто-то выступал, там, по [вид спорта], кто ездил по [вид спорта] выступать. Тогда – это ещё давно было – ещё не было на таком уровне [вид спорта] тут, в Украине, как стало сейчас. Вот, ну, получается, поехали мы с сыном, поехали в Киев, там, по своим делам, ну, увидели, афишу, там, набор идёт в [вид спорта]. Вот, я говорю, давай – а мы, там, на два дня поехали – говорю, давай сходим, попробуем, что за тренировка просто. Пустят – пустят, не пустят – не пустят. Ну, нас пустили, мы посмотрели, как проходит тренировка, то есть, сделали, ну, увидели разницу просто, ну, в подходе, там, всё. Я говорю, зачем нам ходить, там, это, говорю, давай подвал какой-нибудь себе в аренду возьмём, вот, и сами себе просто будем заниматься, и всё. Ну, так всё открыли, то есть, мы ничего не умели, ничего не знали вообще. Просто открыли себе подвал, от, к нам, там, присоединилась, там, ну, несколько человек, там, друзей, просто знакомых. Мы просто сами себе занимались, начали, там, в Ютубе это всё смотреть, умничать, то есть, ну, вот так оно и пошло. Ну, у меня тренера не было никогда, то есть, мы сами.

И: А много кто так. Вот мои тренера, они тоже, как бы, просто начали с подвала, с Ютуба, и потом уже...

Р: Ну, вот так, да, так попало.

И: Да. Как, ну, изменилась жизнь после вторжения? Я понимаю, что, наверное, сложно, ну, можете вы выбрать что-то одно и про это рассказывать, а потом...

Р: Не, я могу рассказать, как я это вижу, да, как я это чувствую, там, да, в общих чертах. Вот. Ну, просто, там, допустим, я сразу говорю, что, там убрать или расписывать, там, я не буду, ну, то есть, как оно есть, вот так оно есть. Вот. Ну, первое время было, скажем так, ну, я буду за себя говорить: я до последней минуты я не верил, что будет война, то есть, я в это не верил, я всем кричал, там, бил пяткой себя в грудь, что это всё разводняк, это, там, пугают, ничего такого не будет.

И: Я тоже так.

Р: Да, то есть, меня застало оно – я как раз утром бегал, утренняя пробежка была, я услышал эти взрывы, ну, я не понял, это пять утра было, непонятно, шо оно такое, вот, я думал, где-то произошла авария. Ну, а потом – тот сказал, тот сказал, ну, попали по Чернобаевке, это по аэродрому, вот, ну, как-то оно всё равно не воспринималось, вот. Потом где-то несколько дней у нас они, они оказались, ну, россияне, к мосту, к Антоновскому. Ну, или в этот же день они уже были возле него, или на следующей – я точнее не скажу. От, ну, и до первого марта за него были бои, то есть, перестрелки то есть, ну, там, обороняющихся было не много, вот. Ну, просто сам узкий мост, его не так легко пройти, поэтому, от, ну, первого числа они зашли сюда, то есть, как правильно сказать... вот, да... Если я в кучу буду всё мешать – ничего страшного, да?

И: *(звук одобрения)*

Р: Вот, получается, есть такие моменты, да, просто, ну, они не очень приятные, скажем так: ещё когда русские были на той стороне, да, а тут уже есть, были люди, которые уже снимали украинские флаги, вот, со зданий. Теперь, потом, когда сюда русские зашли, да, эти люди выехали туда, в Мордор, [теперь] все в этих флажках, патриоты, и теперь рассказывают: все, кто тут остался, это всё коллаборанты, и так далее. Вот, и таких моментов много, от. Когда зашли русские сюда первого числа, ну, у нас тут произошло столкновение с Теробороной, у

них, как раз [местность], вот, я как раз недалеко от него живу, у меня над хатой это всё летало, то есть, ну, слышала я эти все, я, как бы, много. Вот получается, всё, больше боев в Херсоне не было. Вот это один день, насколько я знаю, там погибло больше тридцати человек с Теробороны. Ну, на этом закончилась сопротивлению. Потом, ну, потом выходили люди на демонстрации, там, периодически, пока их не разгоняли потом, когда начали разгонять, начали слезоточивый газ, там, вот, то сошло на нет, все эти акции протеста. Вот. В городе сразу, когда они зашли, каких-то особых изменений не было, вообще.

И: Угу.

Р: То есть, как-то, ну, по крайней мере, я вот через весь город ходил пешком во [учреждение] – вот я там до войны как раз работал вахтёром, от, и там же у меня, в этом [учреждение] был зал, который я брал в аренду, проводил тренировки – ну, вот я ходил. Понятно, что все сидели по домам, боялись выйти, потому что никто не знал, чего ожидать, вот. Ну, ходил, просто на работу сначала ходил, первые недели две, от, дней десять – я работал сутки через трое, от. А потом начали, ну, троллейбусы ходили, то есть, автобусы не ходили, троллейбусы ходили, возили людей бесплатно. То есть, это... то есть, как бы, ну так получается, если вот со стороны, было как бы две параллельные: они были по-своему, вот русские зашли, а наша власть, которая стала здесь, была по-своему. Ну, такое создавалось впечатление, что те не трогали тех, и те не трогали тех. Ну, от первое время, то есть, наши субботники тут проводили, делали уборку, дворники работали – то есть коммунальная служба работала.

И: Угу.

Р: Вот. Всех, получается, возили троллейбусы, бесплатно возили, то есть, я так, насколько я это понимаю, это инициатива нашего мэра, то есть это не те придумали. Всё, потом, ну, соответственно, там, где я брал зал в аренду, ну, во [учреждение], соответственно, ну, аренду платить стало некому, то есть, ну, махновщина пошла, от. Посидели мы дней десять, вроде ничего такого сверхъестественного не происходит в городе, вот. И я, ну, решил возобновить тренировки. Почему? Потому что... что дома сидеть? Ну и всё, я ребятам своих обзвонил, всё, то есть украинская связь была, она сохранялась... та до лета, наверное, ну, то есть, и они свою начали связь вводить, ну, где-то летом: июнь, июль – я уже точнее не помню. И было параллельно: и ихняя, и наша, потом постепенно наша сошла на нет. Вот. Всё, мы просто проводили тренировки, тренировались, всё. Во [учреждение] до августа месяца вообще никто не касался.

И: Угу.

Р: То есть, ну, мы сами себе, то есть. У нас была завхоз, которая... она, ну, она была завхозом и до вторжения, всё, она взяла на себя просто, так сказать... руководство этим [учреждение], то есть, ходили уборщицы, ходили на работу, ходили вахтёры на работу, там. Всё, мы просто, как бы, для себя его поддерживаем, и всё. То есть, никто туда не приходил, никто туда не вламывался. Вот. Директор, которая, ну, была до войны, она месяц там жила в подвале, пряталась непонятно от чего, ну, находилась там. Потом вот это один раз, орки когда залетели туда, у нас рядом с нашим [учреждение] был кафе, и в этом кафе было штаб Теробороны, ну, до войны, там, ну, в начале всего этого. Ну и получается, кто-то сдал, там, вот, и они приехали туда, ну, с обыском. Получается, перепутали адрес и попали не в кафе, а к нам зашли, получается. Ну, выгнали директора с её, там, всей движухи, которые они там сидели. Всё, после этого она выехала, всё. Ну, мы остались, работаем, всё. Ну, отак.

И: Угу. А как, вот вы сказали про связь... ну, просто, с украинской стороны, когда не можно было уже там звонить в Херсон, то, как бы, были новости, что, да, в Херсоне связи нету, но она всё-таки была, но через российские карточки? Как это происходило?

Р: Та нет, ну, украинская связь была, украинский интернет был, всё, мы звонили нормально.

И: Угу.

Р: То есть мы могли дозвониться, были просто перепады, там, то глушили, то, ну, пропадала связь. Ну, отакое было, там, скачками, но симки были украинские, и всё. Я ж говорю, русские симки они начали сюда выводить... ну, где-то июнь-июль, там, приблизительно вот так, я точнее не скажу, но не сразу это было. У нас во [учреждение] флаг висел до лета украинский, его никто не трогал. То есть, ну, и на многих зданиях он продолжал, на школах, продолжал висеть. Такого, чтоб целенаправленного... Ну да, от у нас там была Аллея Славы, и они там её, ну, уничтожили, там, Небесную сотню уничтожили. То есть то, что было в центре, там, бросалась в глаза – да. А в таких, на отшибе, зданиях...

И: Угу.

Р: Ну вот пятьдесятая школа, я почему знаю – я мимо неё всё время ходил на работу – вот там чуть ли не до осени украинский флаг висел, никто его не снимал.

И: Угу... Да, следующий такой этап – это деокупация. То есть, вот, когда начались проблемы с водой, электрикой? Как это всё чувствовалось, как сейчас ситуация?

Р: Ну, проблемы с коммунальными вот этими всеми делами и со связью начались где-то недели за две, за три до ухода ихнего с Херсона. То есть, походу, это они, там, начали отключать, ломать, там. Ну, слухи ходят, разные: одни говорят, что взорвали оборудование, другие говорят, что вывезли. Я не знаю, поэтому не скажу, вот, но проблемы начались за две-три недели до ихнего ухода. Вот... *(о звуке низкого гула)* где-то гупает.

И: Слышно, да, так.

Р: Вот получается, ну, потом, когда вошли наш, где-то ещё недели две-три не было ни воды, ни света, ничего. Но потом потихоньку начала появляться, там, тоже с перебоями. Ну, шас есть, ну, опять же, тут свет есть, но постоянные обстрелы: где-то попали, где-то... ну, то есть...

И: Вы не думали, ну за всё это время, выезжать всё-таки..? Ну, и шас тоже, да, теперь это, как бы, украинский город, но прифронтной.

Р: Это такой вопрос очень... Не, я на него отвечу, но в моей ситуации он очень скользкий, такой вонючий, нехороший вопрос. Я объясню сейчас, почему. Уезжать отсюда я не собирался вообще и не собираюсь. Зарекаться, конечно, нельзя, всё может произойти, от. Первое – у меня в приоритете, да... Когда-то я общался, был нас такой на Украине С*** – это топовый из трениров по [вид спорта], живёт он под [город], там, всё. Мы когда-то с ним... мы с ним не друзья, но, так, общаемся, от. Мы когда-то с ним общались давно, ещё в начале того, как я начинал эту деятельность тренерскую, от. Он мне говорит: “К***, ну, просто приоритеты расставляй, именно вот отдельно, чего ты хочешь, да, и ни на кого не слушай”. Вот мне почему-то эти слова запомнились и, то есть, для меня в приоритете [вид спорта]. Ну, мне понравилось, это моё, мне это лично моё, всё. То есть, почему – это мои дела, вот. И, то есть, во время оккупации, когда она началась, моя была цель – продолжать просто [вид спорта], да. То есть, я лично ходил, ну, мы с Ж*** тренировались. Тренировки я вёл бесплатно, вот. Любая, любой желающий мог на них прийти, даже один раз, то есть не обязательно было быть членом клуба или, там, чего-то там. Вот. Цель была такая – просто те, кто хочет поддерживать форму, тот поддерживает форму; кто хочет заниматься, кто хочет заниматься; кто хочет просто психологически прийти, разгрузиться... потому что вот ко мне приходили ребята, которые вот, там, работали, там, волонтёрами, они, там, от Красного Креста. Здесь всё... в городе всё равно, ну, психологическая атмосфера, ну, оккупированный город – другая атмосфера, от. Люди приходили, то есть, у нас больше проходила как [вид тренировок] тренировки, то есть люди выплеснули свои эмоции, там, туда-сюда. Потом вот, ну, я смотрел, как происходит на Украине,

да, ну, на неоккупированных территориях: люди ездят на соревнования, то есть, ну, люди жили нормальной полноценной жизнью, особо никого не касалось, кроме тех, кто в ЗСУ, тех, кто связан был с войной, тот это всё на себе прочувствовал. А гражданские этого... ну, не особо чувствовали, скажем так. Вот. И получается, я думаю, почему... тут же дети наши такие самые, да? Вот, я лично пошёл по тренерам, говорю: “Ребята, давайте... дети будут в оккупации сидеть, ну, что вы не это, давайте просто проведём турнир для детей”. Это не под эгидой, там, русских или, там, кого, это, это моя инициатива, я провёл его за свой счёт, там, всё. Откликнулись, там, тренера, привели детей, мы провели это, всё, я это выложил, мне пишут... Я писал “Херсон – це Україна”, там, знаешь... не, “Все буде Україна”, ну и всё.

И: Угу.

Р: Даже с заграницы писали люди: “К***, ты шо, дурак? Ну, как так можно, что, это, ну, приедут – арестуют”. Ну, никто не приезжает, никто не трогает, даже если приедут – ну что я такого делаю? По большому счёту я ж, там, не бомбу взрываю, ну такое. Вот. Вот щас, сейчас, сейчас меня упрекают в том, что я проводил турниры, понимаете, мне рассказывают, что я коллаборант, мне рассказывает, что это я делал картинку для русских, понимаете. Я детей просто собирал, от, я вывозил их на речку на день рождения, я просто их вывозил на речку. Мы там купались, они, это ихнее детство, они не виноваты, что они попали в оккупацию, да. От. Тоже, мы выкладывали в соцсетях эти фотографии – мне рассказывают теперь, что я показывал, как хорошо жить в оккупации, понимаете? То есть... от такая от ситуация.

И: А много этих конфликтов? Ну, я понимаю, если, там, люди из за границы мне тоже рассказывают много всего: “Да чё ты не выехала никуда, да тут же в Украине жить невозможно”. Но, вот, за границей, то понятно, шо люди думают, что у нас вообще, как бы, жизни нету. Но вот эти конфликты по поводу, там, обвинений в коллаборации – они, как бы лично, ну, это, как бы, люди... как это и происходит и почему?

Р: Смотрите, получается, была такая здесь ситуация... вот к примеру, да. Это был где-то май-июнь, точнее тоже не помню. Есть... там, где-то они или с Луганска, или с Донецка они... Есть такая организация “[название организации]”.

И: Угу.

Р: Там можете погуглить, кто они такие, и всё. От, получается, они занимаются жимом бизнеса, ну, короче, титушки, грубо говоря, только российские. Но у них есть белая сторона ихней деятельности – у них есть сеть залов, там, в России, в ДНР... ну, [вид спорта].

И: Угу.

Р: Вот, они, как бы, там готовят, всё. Они приехали в тот период – это в мае-июне было – но они побыли здесь недолго, а тут была какая-то перестрелка, и они потом из города куда-то исчезли. Вот. Сколько, почему – не знаю, от. Они приехали сюда и ходили по спортивным залам. От, то есть, они хотели здесь сделали то же самое, поотжимать залы и всё. И они пришли в наш зал, ну, в [учреждение]. Получается, они позвали руководство туда и зашли в тот зал, в котором я тренируюсь, они зашли, и говорят: “О, ну, вот хотели его забрать”. Получается, там, туда-сюда, вот, ну, директор, шо, они пришли в форме, она ж не может им ничего сказать.

И: Ну да.

Р: От, туда-сюда и они, короче: “Нам надо фотографии, да, что мы были”. Ну, они там руководству своему отсылали отчёты, шо они ходят по залам, шо они работают, а не просто так, деньги проедают, скажем так. Всё, был уже этот разговор, после этого разговора больше их никто не видел, они пропали, всё. Куда они делись – они с Херсона выехали. Эта фотогра...

Получается, я сейчас... открываю, ну, хочу сделать центр для бесплатного обучения детей. Ну, у меня есть фишка такая, то есть, я хочу в Херсоне этот открыть центр.

И: Угу.

Р: Вот, я нашёл помещение, вот, мне, там, помогут иностранцы, это всё, там, сделают ремонт в этом помещении, всё. И дети... не только во время войны, я хочу, чтоб на постоянной основе был такой зал. Вот, я долго эту идею вынашивал, вот, еще до войны, когда я ее вынашивал... Получается, есть у нас в Херсоне ещё один клуб на... то есть я ходил к депутатам, говорил, давайте откроем, вот, туда звонили в спорткомитет и рассказывали, шо я уголовник, бандит и так далее. От, ну, в общем, не получилось.

И: Угу.

Р: От, сейчас нашли помещение, всё, делаем – и всплывает эта фотография.

И: Ох.

Р: Сразу то есть, этой фотографии полгода. Я знаю, откуда я знаю, кто её выложил, я знаю всё... Она всплывает, получается, её выложили в базу “Зрадники Херсона”, вот. Эта фотография была у каждого патрульного это... ну, я этого не знал, то есть, меня остановили: “Вот твоя фотография” *(с насмешкой)*. Я смеюсь... То есть, вот я выложил пост в Фейсбуке, что открываем центр бесплатно, через два часа появилась фотография.

И: Угу.

Р: От, ну все, повезли меня на фильтрацию, там, всё, прошёл я фильтрацию, всё нормально, ничего, ну, всё нормально, то есть. Но сама суть... от. Это одна сторона медали, почему я не уезжаю и не хочу уезжать. Вторая сторона медали – у меня здесь старые родители. Которым под восемьдесят лет.

И: Угу.

Р: Бросить их... *(вздыхая)*. Смотрите, вот были одни люди, которые отсюда убежали в двадцать четвертого февраля, мне потом пишут: “К***, пойдди, проверь, как там мой папа, как моя мама?”. То есть, люди тикали и побросали просто своих родителей. Я сам это хожу и вижу, ну, всю оккупацию ходил – сидит бабушка на лавочке одна, у неё никого нет, её дети сбежали, да. Я не смогу, допустим, сидеть в условной Польше, да, там, даже на западной Украине, и, а мама моя будет здесь непонятно как. То есть, и сейчас те, кто сбежал, они тоже рассказывают, что они, там, патриоты, а мы тут все предатели, кто остались. Для меня они предатели, это для меня... Я честно говорю это, я не боюсь этого сказать. Мне мои родители, моя семья важнее, чем Украина или ещё чего-то другое. То есть, мне это всё равно, то есть, я не, я не могу предать, допустим, своих родителей. У меня парень, который тренируется... О, ну вовремя! *(смеется, реагируя на звуки прилётов)* ...Вот, он работает гробовщиком на... ну, могилы закапывает, на кладбище в похоронной команде. Ну, и говорит: “К***, столько...” Ну, он перестал ходить на тренировки, всё, он потом ушёл – ну, завал работы. Я говорю: “А в чём причина?” Он говорит: “Очень много брошенных стариков...” *(тихо)*

И: Угу.

Р: У них нет лекарств, да, нет это... и они просто умрут, они не справят... Так, допустим, я маме могу побежать, там, туда, я могу побежать туда, там, всё. Ну, от так от, ну, я думаю, я отсюда не уеду как бы оно не было.

И: Это очень понятно и, как бы, ну, мне кажется, что многие оказались в такой ситуации. И наоборот, как бы...

Р: ...упрекают теперь вот, кто остался здесь, нас всех, в этом упрекают. Каждый хочет... Я прекрасно понимаю психологическую подоплеку этого всего. От я удрал, я бросил, там, родителей, я, там, отсюда уехал и мне надо теперь самого себя оправдать.

И: Угу.

Р: Понимаете, мне надо теперь рассказать, шо я правильно поступил, а вот тех, кто остался здесь, виноват. Я вижу это так, может, я не прав.

И: Угу. Ну да, ну очень многие люди не уезжают именно потому, что родители, потому что у родителей, там, даже если с здоровьем в порядке, часто у родителей хозяйства: козы, собаки и... Когда люди, как бы, не бросают даже животных – это тоже такое уважение. Ну, хотя это очень потом сложно объяснить.

Р: Это невозможно объяснить, потому что люди, которые находились в оккупации, и люди, которые не находились в оккупации, да – это две разные реальности абсолютно. Почему? Потому что вот мне допустим: “Выскажи свою позицию, там, ну в открытую в Фейсбуке, там, с флагами, “Херсон – це Украина”, там, туда-сюда”. Я: “Ну приезжай сюда. И расскажи”.

И: Ну да.

Р: Ну, там сидеть я тоже могу, рассказывать, и мне тоже вот: “Вот ты не показывал свою позицию”. А как я не показывал свою позицию? Я везде писал “Все буде Украина”. Даже за границей люди писали: “Ты шо, дебил?”

Р: А вот да, Вы сказали, что, ну, это совсем какая-то другая атмосфера, что люди мало ходили по улицам... Как, ну, вот... у вас было, как бы, дело Вашей жизни, оно, как бы, продолжилось, а вот, там, знакомые остались с работой, не остались? Как люди, вообще жизнь, в городе изменилась вот?

Р: Так никак она не занимается, если честно. Работы было валом. То есть, ну, многие поуезжали в первое время, и тех же, там, грубо говоря, продавцов, облэнерго, там, ну, не... брали всех подряд.

И: Угу.

Р: ...желающих, то есть. Ну, если захотеть, кто хотел идти на работу, а работали все практически. Это щас, все оказываются партизаны, все были внедренные, там, ну, каждый рассказывает, что вот “я был партизан, я внедрённый”, от. Остальная большинства часть населения на рынке торговали, как вот в девяностых. Откуда возили – не знаю, русские товары, всё. Откуда они... базы, наверное, какие-то работали там. Такое... То есть, чего-то такого, шоб особых изменений в бытовом, ну вот, ничё такого не было. Да, единственное, шо цены, конечно, тут были...

И: Угу.

Р: Вот да, тут... ну, для сравнения – бутылка колы двухлитровая сто, сто десять гривен стоила (*горько улыбаясь*). То есть, ну, такое...

И: Было такое, что каких-то продуктов не хватало?

Р: Нет, нет, не было. Были первые, там, буквально несколько дней, вот, а потом во-первых, у нас овощной регион... Он стал закрытый, вывести некуда: на территории Украины вывести не могу, потому что боевые действия, линия фронта, в Крым, насколько я понимаю, не могли сразу возить, потому что они там какие-то таможенные... Ну, короче, не всё так просто, вот. И это стало, это всё осталось на внутреннем рынке. Давайте ещё кофе, будете? Не стесняйтесь! *(обращаясь к И)*.

И: Не, спасибо, это просто уже мой третий кофе за сегодня, чё-то страшно... *(улыбаясь, тихо)*

Р: Вот, получается... и оно всё хлынуло на внутренний рынок, оно стоило копейки – от то, шо вот овощи, там зелень, фрукты – копеечное было. Всё, шо было привозное, ихнее – ну, конечно, было говно.

И: Угу. Ну, хотя бы, как бы, базовое.

Р: От, единственное, с чем были проблемы, – с лекарством, конечно, потому что завоза не было, аптеки долгое время не работали. И, ну, шоб ихних аптек, там, сильно много открылось в городе – я б не сказал. Ну, я знаю только две.

И: Угу.

Р: Вот, ну, выручало эти... на рынке торговали с машин, где-то там брали лекарства, ну и торговали...

И: А была гуманитарная помощь, и под русскими и сейчас вот? Как волонтеры... вот Вы сталкивались с какой-то помощью, вот?

Р: Вот, ну, я помощь не волонтерскую не брал ни тогда, ни сейчас. Ну, поэтому ну, при, когда они зашли сюда – да, они завозили, там, фурами этот, ну, гуманитарку. Стояли, ну, в основном стояли бомжи, алкаши, наркоманы – ну, такая публика в основном стояла за ними первое время. А потом стояли и бабушки, и дедушки, то есть, люди стояли... Сначала, первое время, тех, кто брал гуманитарку – ну, это ж всё в Телеграм-каналах выкладывалось – бегали и снимали на телефон как предателей, там, как туда-сюда. Ну, бред это, я всё понимаю, это всё бред. А потом все те, кто снимал на эту, точно так же там стояли, то есть. Вот. Получается. Ну, и сейчас завозят гуманитарку, и тогда были волонтеры. Кстати, ещё когда те зашли сюда, украинские волонтеры, местные здесь ребята, которые объединились, помогали бабушкам, они помогали, как от Украины, и никто их не трогал.

И: Угу... угу.

Р: Потом пропали, там, ну, потом повыезжали они, всё. Ну, а первые месяца два были тут наши украинские волонтеры. Со стороны Украины сюда не было ни одного гуманитарного коридора, ничего здесь.

И: Ну да, это ж, как бы, да...

Р: Потому шо сразу была линия фронта, проехать... *(молчание, передающее невозможность проехать)* От. А потом все начали возить всё. Сейчас, ну, тоже возят с Украины, возят тоже.

И: Мг.

Р: Вот. То есть, ну, гуманитарка есть и была, есть всякими... В этом вопросе нормально всё.

И: А вот как сейчас чувствуется, много людей выезжают после деокупации?

Р: Да, много, очень много уезжает людей. Ну, во-первых, коммунальная, скажем так, ну, свет, вода, отопление шас. Во-первых, то было лето, ещё ладно, а шас холодно отопления, вот у нас район Карабел, ну остров, выключили отопление вообще, там обстреливали постоянно.

И: Угу.

Р: Холодно, как люди будут там жить? Вот, выезжали. Ну, плюс постоянные обстрелы.

И: Ну да, я вот... я, как бы, ожидала, что тут так будет, но так вышла с вокзала и такая: "Окей"...

Р: Ну просто здесь... Чем отличие от Николая, вот, ну... Николаев... фронт из них стоял, ну, тридцать-сорок километров. Ближе они не приближались. Вот. И туда в основном были... ну, или дальнобойная артиллерия была...

И: Ну да.

Р: Ну, я не военный, ну... от.

И: Ну, они сами так рассказывают про... да...

Р: Или ракет, ракетные удары, да. А Херсон, ну, он на том берегу, тут с рогатки можно стрелять – сюда летит всё, шо летит. Поэтому... Херсон... ну, под плотным таким огнем. Поэтому люди и выезжают, это нормально.

И: Тоже такой вопрос, как бы... в начале вторжения, ну, как бы, в медиа какой-то мейнстримной идеей было то, что война ненадолго, война, там... Какие у вас были ощущения? Это будет долго, это будет недолго? И как изменились сейчас? Как Вы видите?

Р: Они никак не изменились. Я думаю, что надолго. Я это изначально, когда началось всё, ну и сейчас тоже думаю, шо надолго. Самое страшное, ну, как в моём понимании, если сейчас заморозят конфликт, потому шо когда они уходили отсюда, цапапы, вот, ну, слухи ходили разные, шо это договорняк какой-то.

И: Угу.

Р: Потому шо, ну, по большому счёту, они сами отсюда собрались и свалили. Вот, шо это договорняк... Если это действительно договорняк и по речке останвятся – это будет всю жизнь, как на Донбассе. Сколько там, восемь лет друг по другу стреляли? Здесь будут стрелять, то есть...

И: Угу.

Р: Ну, как по мне, её надо заканчивать полной деокупацией Украины. Если оставить в полутонах – оно всё равно потом рано или поздно опять выстрелит. А во-вторых, это по линии фронта, по линии реки – жизни у людей не будет в любом случае нормальной.

И: Ну да, Вы теперь, как бы, на... линии. И с одной стороны, оккупация – это плохо, но сейчас тоже – всё время сидеть под обстрелами, конечно...

Р: С другой стороны... всё равно какие-то дети здесь остались, всё равно какие-то люди здесь остались, от. Если все всем всё бросить, отсюда уехать – ну тоже неправильно, вот. Так, ну, по крайней мере я за себя говорю. Я открою, пусть пусть будет три человека ходить, трое детей будет ходить – ну это уже это лучше, чем ничего, правильно? Поэтому...

И: Угу. Ну вот в том-то и дело, что как бы каждая война – это перемещение людей, и на это часто очень обращают внимание, особенно если они едят, там, в Европу. Вот, там, сирийские беженцы, украинские беженцы, но люди всегда остаются, они всегда остаются, чтобы не происходило, и часто на это даже внимание меньше, на тех, кто остался по сравнению с теми, кто выехал. Но люди, как бы, даже в Мариуполе остались.

Р: Мне предлагали, я когда, ну, только началась война, мне писали друзья. Ну вот, мне предлагали в Данию, ну, чтоб я ехал, там, в Мальту предлагали, шоб выехал, и в Грузию предлагали.

И: Угу.

Р: Не поехал.

И: Да, у меня ещё такие более общие вопросы уже не про Вашу жизнь, а про, как бы, то, как Вы вообще видите все происходящее? Ну, Вы уже в принципе начали рассказывать. Как Вы думаете, кто виноват в том, что эта война началась? Можно было ли её как-то предотвратить? На ком ответственность за это всё? Я понимаю, что это такие очень общие вопросы, и, наверное, у нас с вами очень ответы похожи, но я задаю...

Р: *(Вздыхая)* Смотрите, себе делаю. Как правильно сказать... я, конечно себе, если я буду это всё говорить...

И: Это анонимно.

Р: ...От, это приговор мне будет *(ухмыляясь)*. Смотрите, как это преподносят, да, шо, ну, как это правильно сказать, это не один человек виноват в этой войне. То есть то, шо, там, Путин, там, всё... да, он урод, но он не один в этом виноват. Я считаю, шо наша власть ничем не меньше виновата в этом. Опять же если брать... ну, я ж не читал эти, допустим, те же, как они там, договорённости. Но судя по тому, что выплывало в СМИ нам, то есть, по этим договоренностям Донбасс оставался в составе Украины, просто они хотели там автономию, ну типа, всё. Шо сейчас лучше стало? Ну, вот да, если, допустим, пошли на эти условия, Донбасс остался бы в составе Украины, но имел бы автономию. Это было, как по мне, гораздо проще и лучше, чем то, шо происходит сейчас. Вот. Понятно, что... когда началось это в четырнадцатом году... понятно, что там, на Донбассе, пришли, там, допустим, рвались к власти те, кто хотел до корыта дорваться. Всё это понятно, это в любой стране так происходит. Ну, опять же, а на Майдане разве не те?

И: От, из того, шо, ну, на Майдане люди на крови пришли к власти, ну разве не так? Так. От. И что из того, что обещали там, на Майдане, здесь сделали? Ничего. Для людей.

И: Ну да, да, было много всего рассказывали, а в итоге ничего...

Р: Да, абсолютно ничего. То есть, два клана между собой воюют за власть, всё. Это то, как вижу я эту ситуацию. От сейчас... Это, конечно, приговор мне, если, то, шо я щас скажу... Но смотрите, моё мнение: в этой стране никогда ничего хорошего не будет. Почему? Вот один момент. Двадцатого числа, двадцатого февраля... У нас есть тут село [название села].

И: Угу.

Р: Его невозможно объехать, уходя на Николаев, поэтому те люди, которые там живут, они всё видели: двадцатого числа отсюда уходили колонны полиции, СБУ и всех вот этих военных. Они предатели или нет?

И: Я уже слышала, да, мне уже такое рассказывали в Николаеве, то же самое рассказывали.

Р: Они предали народ.

И: Ну да, да.

Р: Они изменили присяге, они не защищали. Теперь вот эти мусора, извиняюсь за выражение, которые удрали, они вернулись сюда и проводят фильтрацию тех людей, которые остались здесь. Это на государственном уровне такая политика, поэтому мое мнение – здесь ничего не будет хорошего и никогда. Пока не поменяется вот эта вот вся внутренняя структура. В нормальной стране вот эти, которые удрали, они как минимум не были бы полицейскими. Как минимум, я не говорю, шо их там посадить, расстрелять, как минимум они недостойны быть полицией. Они сейчас приходят и рассказывают, які ми тут колаборанти.

И: Угу.

Р: Понимаете. От это для меня самое страшное. И самое противное. Если те, которые здесь бегали заявы писали на людей, вступать в эту, в ОГА кацапский...

И: Угу.

Р: Сейчас ходят с ленточками.

И: Угу.

Р: И всё, теперь они патриоты. Вот это страшно.

И: Да, у меня тоже... Ну, я с Донецкой, как бы, я там маленькая ещё, как бы, росла, но это то, что меня щас, кроме войны, второй вопрос, который мне очень страшный, – это реинтеграция Донбасса. Что, в чем они будут там обвинять людей, людей, которые просто пытались, ну типа, выжить. Вот... Ну да, я вас очень хорошо понимаю. А насколько, насколько эта фильтрация – это какой-то частое явление? Вот у вас ещё каких-то знакомых, не знаю, там, вызывали?

Р: Ну, у меня вызывали знакомых, вот, ну, кто на железной дороге работает.

И: Угу.

Р: Ну, это стратегические объекты, всё. От, ну а так, на кого написали... Щас как – я чем-то недоволен, да, на вас, я пошёл на вас, там, на настучал вас (*стучит рукой по столу*) – приехали, и всё. То есть, суть в чём, вот эту фотографию, ну, по которой меня останавливали... человек, который здесь ходил, писал заявил в этот, в администрацию, шоб ему – та тоже тренер, только другого вида спорта – шоб ему дали зал, там, он бегал тут стучал, вся эта чепуха, от. Теперь он удрал в Анапу...

И: Угу (*бодро*).

Р: И от это он высылает эти фотки, понимаете, ну, то есть... это смешно. Вот (*с тихим вздохом*).

И: Да, если говорить про, ну, как бы, про ваш круг общения, как он изменился? И, ну, у меня тоже один из вопросов на эту тему – это остались ли вот какие-то знакомые, родственники в России? И Вы как-то с ними общаетесь или нет?

Р: Смотрите, получается, по кругу знакомых здесь, в Украине... Те, с кем не общался здесь до войны, ну, вот друзья мои... У меня вообще мой круг общения – это, получается, у меня дом, тренировка. То есть я не бываю, там, я не участвую ни в каких, там, движухах, тусовках, там,

ну. То есть я человек, ну, домашний, от. Все те и остались, то есть, мы... ну, конечно, кто выехал, там, вот, ну, ещё в начале войны. Ну, в принципе мы даже с теми, кто выехал, ребята, мы поддерживаем отношения, мы переписываемся, там, созваниваться. Эх, зараза, хотел помочь, а... *(обращаясь к кому-то в зале кафе)*.

Детский голос: Ха-ха, спасибо!

Р: Не за что. Вот, получается. Тот круг и остался, мы так продолжаем и общаться. По поводу России – естественно, у меня были там знакомые, друзья, потому что, ну, по спорту, естественно, от. Но я не знаю почему, почему-то они поудаляли всё, только началось вторжение – они поудалялись из друзей.

И: Угу.

Р: То есть, ну, таких... один остался, ну, там, иногда пишет мне, спрашивает, как у меня дела. Он с Первоуральска, там, мы с ним на соревнованиях просто пересекались, всё. Родственникам... у меня мама с Красноярского края. Её отец, мой дед, от, двенадцатый ребенок в семье, то есть там родственников – мрак.

И: Угу.

Р: Вот, ну. Мы не поддерживали отношения и войны, то есть.

И: Угу.

Р: То есть, с кем-то поддерживать отношения с России – нет. Вот. Хотя буквально вот три года назад я был в России, у нас там, получается... [Город], да, [город], он, получается, тоже тренер по [вид спорта], и он там же, у себя, в [город] является городским депутатом горсовета. Вот. Мы дружили, всё, получается, он приглашал меня в гости, ездил к нему в гости, мы там тренировались три года назад. Просто, вот, он нас повёз на Золотое кольцо России – это, там, Суздаль, Владимир, то есть, на экскурсию, то есть, он, ну, мы вдвоём ездили, от. Всё, после, только началась война – он удалился из друзей, то есть мы не ругались, ничё, там...

И: Ну это вообще интересно.

Р: Да, мне многое, ну, может, ему неудобно, может, ну, не знаю.

И: Ну, на самом деле это, я почему этот вопрос задаю – это очень частая история, что, как бы, люди, там, общались и потом даже не то, чтобы не ссориться из-за политики, просто, как бы, прекращают. Либо там россияне что-то скажут – и наши просто, ну, как бы, не могут этого слышать, да. Либо россияне просто не поднимают тему политики, потому что ж как это, говорить о политике? И это очень, да, частая история, хотя ну...

Р: Ну, вот каких-то разногласий и конфликтов у меня с, ну, с ними не, даже не поднималось. А от просто двадцать четвертое февраля – и все удалиться из друзей русские. Почему-то, я не знаю, один этот Н*** остался, и всё.

И: А в принципе с людьми были какие-то, не знаю, сложные разговоры про политику, ссоры?

Р: Ну естественно были. Ну. Каждый смотрит... даже вот, да, взять эту чепуху, да. Вы смотрите на неё с этой стороны, я себе со стороны – она от этого не меняется, мы увидим её по-разному. Та же самая ситуация, понятно, споры, там, это, ну опять же... Вести споры здесь во время оккупации с кем-то посторонним – нельзя, то есть я ни с кем разговор не заводил, потому что непонятно, кто на кого стучит, кто к кому бежит. Ну, от такая ситуация.

И: Угу.

Р: Вот. Получается, ещё было, допустим, один момент. Здесь получается, как сказать... Помимо моего клуба в Херсоне, ещё один клуб по [вид спорта]. Да, это потом всё выяснилось, короче, приходит на тренировку ко мне здесь девушка. [Описание её достижений в виде спорта]. Вот. “Я хочу к вам на тренировку, – говорит, – Я с Ленинграда”.

И: Угу.

Р: Выгнать её... *(вопросительно)*

И: Ну да... *(передающее согласие с тем, что не выгнать же)*

Р: Это, во-первых, честно скажу: я не собиралась её выгонять. Во-первых, она девушка, она не военная, там, ну, вообще никакая, от. Мне интересно было с ней побороться, честно. Ну.

И: Я очень хорошо понимаю, как это *(смеется)*.

Р: От, и в-третьих, она русская! Я не знаю, кто она такая, я сейчас выгоню, а завтра ко мне придут, от...

И: Угу-угу.

Р: Всё, получается, она потренировалась, там, ну, побывала у нас на тренировке и уходит. И тут, получается, мне пишут ребята: “К***, ты в курсе, шо происходит?” Я говорю: “Шо происходит?” Оно, как обычно ж, сфотографировались на память...

И: Угу.

Р: Всё. Она выложила пост у себя, вот, и пишет, что, там, вот, там, Херсон, ПВО, ну, там, короче, там, за русских, ну.

И: Угу.

Р: Глупость она совершила.

И: А как она вообще сюда доехала?

Р: Я сейчас объясню ситуацию, в чём суть. Получается, оказывается, это потом всё выяснилось, она сама херсонская, ну, здесь живут родители, вот, и она, получается, каждый год сюда приезжала, она просто замуж вышла в Питере.

И: Угу.

Р: Вот, и она каждый год сюда приезжала к родителям, и приходила в тот клуб тренироваться. То есть она знала этих ребят, приходила заниматься. И вот она в этот раз приехала, хотела тоже пойти к ним, вот, но они выехали, вот, получается. И они ей посоветовали прийти сюда.

И: Угу.

Р: И потом они же этот пост её выложили, понимаете? Вот такая получилась ситуация, как бы, как подстава вроде. Ну и получается, мы услышали о себе много нового, ну, тут писали, какие мы предатели, подонки.

И: Ну а она о чём думала тоже. Ну ладно, это уже...

Р: Ну, то, что она думала – потом был с ней разговор.

И: Угу.

Р: Она потом ещё раз пришла, я говорю: “Ты чё творишь?” Она: “Ну, я извиняюсь”. Ну, короче, такое. Ну, это всё Филькина грамота, конечно, вот, ну выглядит как на такую нехорошую постановку это всё.

И: Угу.

Р: Ну... вот так вот. Поэтому...

И: Да. А как, ну, война изменила, не знаю, Ваше видение в принципе мира? Было ли что-то такое, что изменилось как-то, переоценилось? Или наоборот, может быть, Вы ну, у Вас были какие-то идеи, и Вы в них утвердились больше сейчас?

Р: Ну как переоценилось... Ну... Как правильно сказать... я если, ну, не особо верил людям раньше, да, то щас я вообще никому не верю, просто потому что... ну, война со всех нас сняла маски, со всех. То есть, это такая ситуация, где невозможно спрятаться и показать, шо “от я такой, а на самом деле я другой”, от, это невозможно. И поэтому – это я так считаю, да – для каждого из нас... мы увидели, кто есть друг, а кто есть недруг, понимаете. То есть, вот эта переоценка, ну... от это вот произошло. А так мировоззрение, оно в принципе про... происходит. То, шо будет война, я, конечно, не это, ну, а происходящее – я о нём задумывался и до этого. То есть, я общался с людьми, ещё до войны, из Донбасса. Я, мне было интересно, почему это происходит?

И: Угу.

Р: Я спрашивал ихнее мнение – оно разное было: кто-то рассказывал так, а кто-то рассказывал так. Но по факту всё не так, как нам преподносили в СМИ.

И: Угу.

Р: На самом деле, это, то есть... поэтому к этой ситуации ура-патриотизма у меня нет.

И: Угу.

Р: Я сразу скажу. У меня такое... то есть, даже вот, опять же вот такая ситуация... ну, это от, как мне, запрет Деда Мороза – ну это перебор, это уже такое.

И: А какой запрет?

Р: Деда Мороза, щас запрещают Деда Мороза...

И: Ааа-а!

Р: Ну, это уже глупость, это уже, ну, такое маразматическое, это детское вообще, от. И вот эта ситуация, да, смотрите. У нас наш один лифтер побеждает, до войны, лифтера с России, топового. И наш топовый, и тот топовый, от. И сейчас, ну, там, выкладывают пост: наш, там, условный Ваня победил ихнего условного Петю, это символично, там, туда-сюда, там, всё. Я просто читал эти комментарии, от. И туда встретют, в этот разговор, ну, и россияне. Вот, и наши пишут: вот, все кацапы...

И: Угу.

Р: А люди пишут: “Смотрите, – говорят, ну, а россиянина зовут Н***, вот, говорят, – Смотрите: Н***, когда началась война, он выехал с России и забрал всю свою команду для того, чтобы их не призвали на войну, не воевать против своих братьев украинцев”. Это поступок его? Поступок. То есть, я не знаю, как, там, в России, законы, но он туда, скорее всего, больше не въездной.

И: Ну да, да.

Р: Вот. Наши пишут: “Неважно, он всё равно кацап, он гандон, его надо кончать”. Ну, это ненормально, это не патриотизм, это долбоебизм.

И: Угу.

Р: Понимаете, вот, от это мне не нравится.

И: Угу.

Р: Понимаете...

И: Да, вот щас, как бы, есть такие две... два виденья: кто-то говорит, что, как бы, виноват, ну, в этой войне, да, там, российская элита, а вот кто-то обвиняет просто всех людей, которые хотя бы как-то связаны, ну, у которых есть российский паспорт.

Р: Это бред. Смотрите, вот я, честно говоря, ну, обвинения вот эти, да, что от, россияне не вышли, там, всем народом против своей власти, потому что, там, они должны. Хорошо. Такой вопрос: в Грузии была война – на Украине кто-то выходил против войны в Грузии, там? Нас это не касалось, там, могло... И их точно так же оно не касается. Их касается... от тех, кто живёт на приграничной, – потому что туда тоже прилетает – их это касается. А тот, который живёт в условном Норильске, он... это где-то там, на другой планете, для него происходит. И чё он должен выходить?

И: Угу...

Р: Сколько было... Югославию когда бомбили, да, кто у нас выходил за братьев, там, славян? Никто не выходил, потому что нас это не касалось.

И: Угу.

Р: Правильно? На Донбассе, вот опять же, да, там, друг друга... Я живу в Херсоне – ну да, я знаю, что на Донбассе идёт война, там, туда-сюда, вот. Но меня это не касалось и как-то, ну идёт да и идёт, понимаете. Сейчас, когда мою шкуру это коснулось, я это понимаю, как это там плохо, как это тяжело и так далее, понимаете. От, а человек, который живёт в условном Львове, он тоже этого не понимает так близко.

И: Но, а как Вы думаете, когда закончится война и будет... я не знаю, например, в Грузии снова что-то? То...

Р: Никто не встанет, никому оно не надо.

И: Угу.

Р: Никому это будет неинтересно, ну, быстро забудется это всё.

И: Угу... угу. Да, у меня ещё много вопросов, у Вас ещё остались силы? *(смеется)*

Р: Не проблема!

И: Да, силы время... Да, тоже, как бы, мы с Вами вспомнили, да, и ну, как бы, собственно, то, что Россия вот решила воевать, про украинскую власть. А как Вы думаете, какая роль западных стран во всем происходящем?

Р: Смотрите... Петя и Вася, да? От между собой стоят и по какой-то причине ругаются. От. И подходит к условному Васе, подходит Серёжа и говорит: “Слабо? На тебе палку”.

И: Гг...

Р: От, от роль запада...

И: Угу.

Р: То есть террора... то есть подстрекают...

И: Угу.

Р: То есть, ну, по большому счёту, я так думаю, этого конфликта можно было избежать, в любом случае, если б все этого хотели: и одна сторона, и другая, и третья. Здесь три стороны. Ну, его... ну, даже, смотрите, какая ситуация. Вот буквально, там, ещё тоже, в тринадцатом году, да, ещё до всего этого, мы смотрели... Были сериалы, там, всякие, там, “Бригада” мы смотрели, там, “Сволочи”, там, всё – никто не то, все было нормально. Да, были какие-то всю жизнь мы хохлы, те кацапы, там, были какие-то, там, недопонимания. Ну, в принципе всё было нормально.

И: Ну да, да.

Р: После четырнадцатого года...

И: Ну да...

Р: ...резко началась нагнетаться ситуация с ненавистью. Это правда? Правда. Почему, кому это надо было? От, то шо там... Сколько вам лет вообще?

И: Двадцать девять.

Р: Ну, Вы слабо помните начало, да, вот этого всего?

И: Ну, я помню Майдан и Антимайдан, я интервью и тогда уже брала у людей на Майдане, на Антимайдане.

Р: Смотрите, вот такой момент... Пусть Янукович – бык, да, там, дурак, всё, но вокруг него было куча людей умных. В любом случае. Люди, которые зарабатывали миллиарды, они не могут быть дураками.

И: Ну... да, да.

Р: Они, в любом случае, они могут быть подонками, но не дураками. Как начинался вот этот... всё, сидели студенты, пошел, там, снег, до... ну, там, ну плохая погода, их, там, ну двести-триста человек максимум, там, а то и сотня оставалось. Вот. Если бы их никто не трогал, они бы утром разошлись, и всё бы потом закончилось это. Но их приходят и показательно убивают – с чего начался Майдан – ну, избивают.

И: Ну да.

Р: Показательно, просто бессмысленно, мессиво. Зачем оно Януковичу надо было? Вот честно, кто спровоцировал от эту чепуху?

И: Ну, вряд ли он единолично так, знаете, решил.

Р: Ну вот... Кацапам, если по честному, оно тоже не надо было. Почему? Потому что... почему против Януковича восстали – потому что он то рассказывал, мы пойдём в Европу, а тут раз – повернулся к России. Те, там, пообещали кредиты, чи шо они, там, пообещали...

И: Ну да.

Р: ...и он пошёл туда. То есть им поднимать эту бучу тоже не надо было, потому что Янукович принял условия и пошёл к ним. То есть, значит кто-то ж это спровоцировал.

И: Угу...

Р: Кому-то это было надо. И тут начинается вот эта ненависть, ненависть, ненависть, ненависть, ненависть, и в то же время наши, те же лидеры, да, там, Порошенко – он держит фабрики в той же России, он торгует...

И: Нууу, да-аа...

Р: Понимаете...

И: ...рассказывал про армию, віру и мову, а сам, как бы, спокойно себе...

Р: Поэтому это настолько всё грязно...

И: Тогда же были расследования, что, ну, как бы, до... ещё год тому назад продавали какие-то в Россию детали. То есть, как? Это, ну...

Р: А, это с Запорожского завода авиационного двигателя для вертолётов военных продавали. То есть...

И: Да...

Р: И, опять же, сейчас вот этого человека, директора завода, его посадили, ну...

И: Угу.

Р: Но он же ж не мог без государственного добра...

И: Ну конечно...

Р: ...как-то нормально...

И: Всё равно ж кто-то, там, как бы, то есть...

Р: Это нереально просто.

И: Да, у меня ещё такой вопрос тоже, мы с вами говорили, что в принципе был доступ к интернету всё время. Где Вы читали новости, где читаете и как для себя определяете вот, как бы, чему верить, а чему нет?

Р: Ну, вот, в основном новости... Ну, телевизор я не смотрю, от, абсолютно не смотрю, от. И Телеграм установил, Телеграм-каналы, я читал как и русские, там, Телеграм-каналы, так и украинские Телеграм-каналы. Ну... шоб сказать, что конкретный будто, там, есть канал, которому можно, там, доверять на сто процентов – нет, такого нету, потому что, ну, было очень много вбросов. От мы читали то, что – когда мы были в оккупации, да, там – территории не оккупированные, да, которые под контролем Украины, писали, что происходит здесь... ну, мы смеялись. То есть много было выбросов, обмана, то есть, ну, на самом деле всё было по-другому, совсем было не так. Вот это нагнетание обстановки было, ещё в апреле месяце был референдум, там, это...

И: Угу.

Р: Ну, тут все ходили: “Какой референдум?” Ну, его на самом деле и не было, того референдума. Уже потом осенью... ну и то, это такой референдум...

И: Ну да, тут даже, в итоге никто и не пришёл на тот референдум...

Р: Не, приходили, приходили, от... но бабушки дедушки, там. Такое. Поэтому, ну, херня это всё на самом деле, а не референдум. Это фейковая чепуха...

И: И ещё две таких темы. Первая – это про местную политику. То есть, кто тут был мэром, кто остался мэром? Как Вы к нему относитесь? Как Вы вообще оцениваете?

Р: Смотрите...

И: Кто глава администрации?

Р: Из тех, которые сейчас, вот когда деокупировали Херсон, вот вообще не знаю, кто мер и как я к нему отношусь, вообще ничего не могу сказать, я их не знаю никого.

И: Угу.

Р: Сейчас непонятно, кто там... В пабликах читаешь, они друг друга, по-моему, поливают...

И: Угу...

Р: То есть, ну, это те люди, которые были, ну, по крайней мере я о них не слышал до войны, поэтому ничё не могу сказать. Когда началась война, у нас тут был Колыхаев мэр, от. Пришли русские, ну, он ещё наверно, месяца полтора-два, ну, приблизительно, там, оставался мэром. Но. Я ни разу не слышал, чтобы он, там, агитировал за Рос... ну вообще, чтоб он был за Россию, скажем так, не был он. От. И здесь продолжали работать коммунальные службы. Ну, то есть, всё... от. Одни говорили – тут мнения тоже разделилось сильно – вот одни говорили, что нормальный мер, не бойся, он больше людей остался поддерживать, порядок. Опять же, повторю, с его стороны не единого высказывания в пользу России не было, вообще, даже намёка, от. Другие начали... его целенаправленно топили, ну, обливали помоями, шо вот, тут оккупация, а он проводит, там, субботники, уборку наводит, и всё остальное. Ну, моё мнение – а было б лучше, если б утонули в мусоре здесь?

И: Ну да...

Р: То есть, ничего такого, он не за кого не агитировал. Потом орки его закрыли на подвал.

И: Угу.

Р: То есть, получается, причина, я ж не знаю, за что его закрыли. Ну, не такой уж он правильный пророссийский, то есть, ну, такое. Насколько я знаю – он до сих пор под арестом. Там, знаешь, он уже больше полгода сидит под арестом. Что, почему, как – не знаю.

И: Ну, то есть, сейчас он под арестом украинцев?

Р: Не, там!

И: А, то есть они его увезли?

Р: Да, они его с собой уволокли.

И: Да, потому что я-то слежу за новостями по, как бы, но иногда просто забываешь уже просто, что там с мерами... Фёдоров, там, в Мелитополе... Это уже просто... Окей, да-да-да, всё, я, я вспомнила эту историю, да, что его... угу.

Р: Потом, получается, орки поставили здесь Сальдо, этот Сальдо был, ну, глава области типа. Ну, его никто не воспринимал всерьёз, я не знаю, имел ли он вес или он просто был фейковое, показать влияние... этого не знаю, от, получается. Мэром тут был Кобец, его никто в глаза не знал, ни кто это такой, ни что это такое (*смеётся*).

И: Угу...

Р: Ну, я о нём вообще не могу сказать, не знаю, как он выглядит даже, понимаете? То есть, написали в Телеграм-канале: вот, глава, там Херсонской ОГА, там, Кобец такой-то. Кто это такой? Я понятия не имею, откуда он взялся, и я ни до войны про него не слышал, поэтому ничего не могу сказать. Был здесь Стремоусов, получается, дурачок местный.

И: Угу.

Р: Ну, его как клоуна, ну, где-то там, может, с другой стороны, его воспринимали и всерьёз, но для херсонцев он клоун, просто клоун.

И: Вы о нём слышали до оккупации?

Р: Да. Он бегал, он тут, он то за красных, то за белых, то за зелёных, там, типа, поменял всё время, там, он всё пытался просто выделиться, выделиться куда-то там, чтоб его заметили, типа разоблачает всех, там.

И: Угу.

Р: Типа блогер местный тут бегал, ну.

И: Угу.

Р: Его никто не воспринимал.

И: Да. Ну, и последний такой у меня вопрос очень общий. Вообще, как Вы видите будущее страны? Вы в принципе сказали, что Вы думаете, что надо воевать, как бы, до границ девяносто первого года. Но какие, вот, Вы вообще видите сценарии того, что нас ждёт в будущем? Какие для Вас более реалистичные, какие менее реалистичные? Ну, в общем...

Р: Ну, как закончится и когда закончится война – не знаю я.

И: Угу.

Р: Вот, потому что... почему до победы надо воевать – потому что, ну, замораживать конфликт, опять же, он опять потом вспыхнет. Ну, в любом случае, там, рано или поздно он вспыхнет. Вот оставить замороженным – это будет долго.

И: Угу.

Р: Только в большей форме теперь. Будущее... Честно? Не вижу я радушного будущего в Украине. Почему? Все улики... запад нам поможет, там, туда-сюда, и пока мы им интересны – нам дают деньги. Станем мы неинтересны – кто нас будет содержать? Я так не думаю, от. В финансовом плане – экономика стоит. Не знаю, как там, на подконтрольной территории, ну, именно там, где сейчас нет боевых действий, но тоже думаю, что не всё сладко. Вот... В Херсоне вообще всё стоит. Ну, частное, там, где-то шо-то... от. Разрушено много коммуникаций, ну, всего этого... это огромные деньги всё это восстанавливать. Будем честными, да, ну все, шо на Украине есть, – это частными инвесторами построено...

И: Ну да...

Р: Что у нас государство построило? Ничё. Ну, дороги начали последнее время, там, строить, эта велика стройка, там, туда-сюда. Ну от я беру по Херсону – ни один завод у нас не работает и не работал, никто их не восстанавливал, от... Этот начали до войны строить... новую взлетную полосу на аэродроме, вот.

И: Угу.

Р: Вроде его собирались сдавать, но тут как раз... В любой стране, в любой, не только в Украине, после войны идёт вал криминала, нищеты, голода, разруха... Но самая большая проблема Украины – это коррупция. Здесь всё разворовывается, просто на корню, вот. И опять же я повторюсь: страна, в которой сбежавшие менты теперь вершат правосудие, я не вижу будущего. Пусть я прав, пусть я не прав.

И: Угу.

Р: Понятно, сейчас все прячутся (*вздыхая*) за маской патриотизма. Ну, любые действия можно... вот если ты говоришь, что что-то не так, значит ты, там, чуть ли не... пророссийский. Да, чуть ли не, там, это... А если говоришь правильно, то значит ты патриот. Ну? Это бред. Если мы будем продолжать дальше друг другу врать и сами себе врать, что от этого изменится? Ничё не изменится.

И: Ну да, при этом, там, вплоть до разграбления гуманитарки... и как бы...

Р: Сейчас вот я читаю Телеграм-каналы, наши, херсонские, пришла вот эта новые, там, какая-то баба, у нас, там, я говорю, Луговая чи Лагутина. Пришли военные пацаны, которые воевали, они, там, сами сейчас волонтерские, ну, создали движения. Те помои на тех, те помои на тех...

И: Угу.

Р: То есть уже страна прошла такое очищение войной – ну объединитесь вы.

И: Угу.

Р: Понимаете, вот... Советский Союз когда был, Великая Отечественная война, я имею в виду, да. Сын Сталина воевал, да, это... ну как бы там не было, это история, это невозможно убрать или придумать, от. И воевал не генералом какого-то штаба...

И: Угу.

Р: ...воевал военным. И когда пришло – ну, если Вы знаете эту историю, да – когда попал сын его в плен...

И: Угу.

Р: Ему, ну, Гитлер предложил Сталину обменять на генерала Паулюса, сына. Сталин отказался. Он говорит: “Я генералов на обычных солдат не меняю”.

И: Угу.

Р: А сколько у нас детей депутатов или вообще родственников ближайших воюют хотя бы где-то, там, ну... это не народная война, понимаете, если Великая Отечественная была народная – воевали все. То здесь...

И: Да, вот с этой войной у Вас как-то изменились взгляды на историю и, ну, вот собственно, на Великую Отечественную войну как-то?

Р: Нет, на Великую Отечественную не изменились, потому что, ну, я уже в возрасте, мне пятьдесят лет, во-первых. Я всю жизнь рос на одной истории и просто поменять её... Ну от, сейчас Бандера – герой, да, например. В чём?

И: Угу.

Р: Ну, вот я, я, допустим, не могу. Да, вот он, там, говорят, ну, был за немцев, там, это... не потому что за немцев, потому что он был против большевиков. Я не знаю правду, как оно было, это на самом деле, понимаете, поэтому...

Р: Ну... у нас, у нас во Львове, в этом плане есть, да, есть вот, как бы, вот этот вот ура-патриотизм, там, типа, Бандера. Одновременно, типа, до сих пор живут евреи, чьих...

Р: Кого и уничтожало.

И: Там же все, все улицы в крови, это очень хорошо задокументировано, но от этого...

Р: Как можно делать его героем?

И: Ну да, да, как бы... Вообще...

Р: Он герой для кучки людей, но не для народа. Можете верить мне, можете не верить, но когда Ющенко пришел к власти, какой это год, там, был?

И: Угу.

Р: От. Мы сидели с друзьями, разговаривали. Я говорил им: “Самая большая проблема Украины – у нас нет единого народа, вот как, да, допустим, Франция одна, да. Она проходила какие-то исторические этапы, там, были, там, буржуазные революции, там, это, знаешь. А у нас нет такой истории Украины общей, да, там... Здесь одна, там другая, ну как-то разобщённая”. Ну, такое. Я говорил: “Когда-то...” Я не говорил, что будет война, но я говорил: “Когда-то это так выстрелит, что это будет от много крови”.

И: Угу.

Р: Я не думал, шо будет война, я думал, ну...

И: А как Вы думаете, что надо, что надо, чтобы объединиться? То есть, есть ли какой-то всё-таки вариант?

Р: Не знаю, это тяжёлый вопрос. Ну как от... Опять же я не знаю, верить этому, не верить – много... ну, я, допустим, я был на западной Украине, неоднократно, да, то есть, какого-то предвзятого отношения или, там, разговоров о том, шо, там, разговаривают по-русски, там, никто, там, в этом упрекал, я с таким не сталкивался, такого не было. Но сначала войны очень много людей, вот, мне писали, которые, там, с родит... ну, с детьми, кто у меня тренировался, повыезжали, начали сталкиваться с такими проблемами, то есть, упрекали людей, там, всё. Это ненормально.

И: Угу.

Р: Да, вот взять Канаду, у них там тоже два языка: английский, французский. Но если я живу во франкоязычной части, приехал туда, ну, это ж не значит, что я плохой, правильно?

И: Угу.

Р: А здесь... как вот, если люди на ментальном уровне, ну, относятся так к своим же... Вот у меня здесь был конфликт, смотрите, от, это уже было под конец оккупации. Здесь резко все перестали брать рубли, уже понимали, что придет ЗСУ, там, всё... То есть, магазинам дали, торговцам на рынках. Вот, но на рынках цена была гораздо дешевле, и всё, ну, чем в магазинах, от. И, получается я подхожу покупать хлеб, от, были у меня и рубли, и гривны, от. Я говорю: “Ну, за рубли можно?” Потому шо, ну, мы уже все пытались их уже сбавить, потому шо все понимали, к чему всё идёт.

И: Угу.

Р: Он: “Нет, только за гривны”. Я говорю: “Хорошо, получается, давай уже ж хлеб”, – я говорю: “А зачем ты так делаешь? Смотри: ладно я, а бабушки, вот, здесь, которых побросали, им кацапы им платили пенсию в рублях, от, гривны... они даже... им Украина переводила пенсию на карточки...”

И: Они же снять не могут!

Р: Невозможно снять. Говорю:

– Вот как она должна купить хлеб? Ты же ты не патриот, говорю, ты долбоёб, ты своих же ж людей этим... ну, гнобишь.

– Что ты там понимаешь, там... туда-сюда.

Ну, я промолчал сразу, там, и получается двадцать пять гривен стоил хлеб. Я даю ему двадцатку и достаю вот это, два и рубль железный, ну... Он мне бьёт по руке: “Це не гроші!” То есть, от, то есть, надо чтобы были бумажные ещё, ну, я его ударил. Сел он, там, под машину, всё. Вот много таких людей было, которые... свои своих же, понимаете, вот...

И: Угу.

Р: Тут цены были... И опять же магазины – ладно, а на рынках, ну, тот же товар, который привозили, вот, ну, русский, да, они ж тут такие цены валили. Это ж не кацапы же валили, цены, ну, это мы сами друг друга тут драли.

И: Угу.

Р: На сколько во Львове цены поднялись на квартиру?

И: Да.

Р: Для своих же.

И: Угу.

Р: Откуда единый народ? О чём, он только в сказке на самом деле.

И: Да, да, да, да. Тысяча, ну как, как бы, тоже во Львове всё-таки, ну, это ж не только Львов.

Р: Не, я образно, я просто...

И: Столько же людей, как приехало во Львов, столько же приехало в Кривой Рог, ну, то есть, как бы. Ну, были вот люди, которые не поднимали цены...

Р: ...это совесть у человека есть.

И: Да, да, да. А было, что однушка, просто такая забыченная, извините, тысяча долларов, тысяча долларов, и... ну, на это просто, как бы, злости не было. Но я, как бы, до сих пор, да, там, занимаюсь и волонтерю с людьми, ну, с ВПО – это страшно реально. А коммуналка сейчас, ну...

Р: У нас пока в Херсоне я не могу сказать за коммуналку, потому что пока никто не требует почему-то. Ну, не запустился город...

И: Ну щас-щас... *(улыбается)*.

Р: Не, так мы, мы сидим с ужасом этого ждём, потому что всю оккупацию, девять месяцев, с двадцать четвертого, никто коммуналку не платил. Кацапы коммуналку не брали, потому что... они тут всё, базы данных уничтожены, они, не знаю, они, короче, не успели это всё. Они говорили "с августа начнете платить", потом они перенесли, "с сентября начнете платить", короче, потом, ну, короче, никто не платил коммуналки вообще. Щас же нам её всю предъявят за девять месяцев.

И: Ну да, да, да...

Р: И предъявят всем по новым ценам *(нервно смеется)*.

И: Если ещё рассчитают... Не, вроде бы летом приняли закон, что не будут, ну как, цены последний раз выросли на коммуналку где-то в январе месяце, с тех пор... но тоже, это ж, как бы, вопрос времени. А можете рассказать, как... А как вот здесь было с банками? Ну, то есть, украинские сразу закрылись, гривны не снимешь...

Р: Не, не, не сразу закрылись. Они работали ещё месяца два-три, работали банки, никто их не трогал. В магазинах терминалы по карточкам работать...

И: Можно было?

Р: Да! Два-три месяца можно ещё было, никто их не трогал. Потом начали они ходить и то – были магазины, которые до последнего дня – маленький магазинчик – один на терминал, всё равно они как-то, там, ховали, как-то...

И: Угу.

Р: И можно было, от с телефона на телефон, ну пикающей карточкой, ну, можно было в магазинах рассчитаться. Их мало было, ну, может...

И: И одновременно, как бы, российские зашли банки...

Р: Да.

И: ...если Вы говорите, что пенсию платили на... уже на российские какие-то карты.

Р: Нет, ну, люди ходили, получали на почте.

И: Ага.

Р: Ну, может кто-то получал и по карточке, я не знаю.

И: Ага. Ну, на почту, да. Просто в Донецке тогда сделали, что, там, Донгорбанк, один он был, и только он был, и не было ни украинских, ни российских.

Р: Тут не, у нас был ПСБ, как-то так, да, ПСБ. От. Ну, я в нём просто ни разу не был, поэтому... Вот это они, я не знаю, ну, отделений десять там было.

И: Угу.

Р: Вот... Ну и Приватбанк долго работал.

И: Угу.

Р: За другие не знаю, я просто, ну, я клиент Приватбанка, поэтому за них я знаю. Ну, а пенсии... люди ход... сумасшедшие очереди были в Пенсионном фонде, сначала там выдавали, вот, я просто рядом с ним, недалеко живу, поэтому это всё видел, от. А потом стали и там, и на почтах делали...

И: Угу.

Р: И люди получали на почту.

И: Угу. Да, ну, у меня в принципе все вопросы. Может быть, ещё что-то такое важное, да, вот про этот опыт оккупации, про то, как жизнь изменилась, не изменилась?

Р: Да ничё такого абсолютно, шоб шо-то, какие-то... У меня, ну, таких вау-событий, шобы рассказать, вот такая история, там, прям, там... ну не было.

И: Ну, вот, в этом моя работа, потому что эти журналисты, они ездят и, как бы, фотографируют, там, ну, реально ужасы. Но история – это же не просто какие-то, там... Я да, я, ну, у меня часто, вот, да, как бы, я говорю с людьми и они мне тоже говорят: “Ну, у меня была, там, самая обычная жизнь”. Но в этой обычной жизни мне тоже, знаете, много всего важного и интересного.

Р: Не, у меня образ жизни – у меня дом, тренировка, всё. Поэтому сказать, шо, там, опять же вот, да, оккупация, там. Сейчас читаешь херсонские паблики, да, ну просто смешно: вот все, кто был здесь, оказывается, они все были партизаны.

И: Угу.

Р: Они все были подпольщиками, ну... *(ехидно)*.

И: Угу. А партизаны были всё-таки, ну, какие-то? *(улыбается)*

Р: Ну, кто-то развешивал здесь... эти, листовки. Да, кто-то развешивал. Да, это было регулярно, там, “Херсон – це Україна”, там, российский паспорт... Ну, там, ну, то есть, в таком плане. Кто-то развешивал, а кто – не знаю, вот. Получается... было, ну, наверно, так, шоб не соврать, раз пять – то того взорвали, то того взорвали, то есть, ну, какая-то здесь движуха здесь была. Ну, я не думаю, шо взрывы – это сами, это по-любому СБУшная какая-то, ну, ячейка тут оставалась. Ну, весь Херсон партизанами не был, то есть, как вот каждый себя пытается преподнести... Ему, там, приходят, говорят: “Ты коллаборант!” – “Та не, я был под прикрытием!”. Ну бред. Такое вообще.

И: Угу. Хорошо, спасибо большое. У меня ещё есть форма согласия, вот, на интервью...

Р: Сейчас секунду, я спрошу туалет у неё... *(шепотом)*.

И: Да, да, да, конечно.

-перерыв-

Р: ...было много вбросов про Херсон, насилуют детей, там, насилуют... От... Денисова когда вот это ещё была...

И: Угу.

Р: Ну, тут все смеялись. Получается, у нас тут описывали случай, получается... Пришли насиловать, получается, маме двадцать пять лет, детям, одному два месяца или три месяца.

И: Угу.

Р: А тому три годика. Детей изнасиловали на глазах у мамы, детей убили, мама осталась живая. Ну, это ж бред.

И: Угу.

Р: Ну, молодая девка, да, начнётся, там, да, мама... детей изнасиловали, а маму нет, их убили, а маму нет.

И: Угу.

Р: Ну вот, в общем много от таких от вбросов было, вот, потом это все не подтвердилось, на самом деле этого не было, то есть... У нас в первый день, как они вошли, сразу слух пошёл, одиннадцать изнасилованных уже, “не выходите на улицы”...

И: Угу.

Р: Получается... Все боялись, ну, женщины выходить на улицу, всё.

И: Угу.

Р: Потом тоже оказалось, это вброс, ну, такое. Они... какие-то изнасилования где-то, конечно, были, где-то шо-то было, но так, шоб это было... Пришли, в первый день полгорода изнасиловали – такого не было.

И: Угу.

Р: Вот...Какие-то нюансы были с обеих сторон, с обеих сторон, поэтому... рассказывать, шо... от... Ну, там, такая больная тема, да, вот, [спортивная организация], знаете?

И: Да-да-да.

Р: Да, крутая [спортивная организация], там, всё, от. Позиционирует себя как... объединяют [вид спортп], да, там, такое. Вот мы были здесь, в оккупации, в Херсоне, да, нам ни разу никто даже не написал, просто, ну, узнать, да, как мы тут, там, не надо...

И: Угу.

Р: Ну никто ни разу не написал даже. Ну, как только появился пост вот этой девушки, ну, шо от это, да, сразу возглавили эту колонку. Нам столько грязи здесь написали, шо... то есть... Поэтому с этого момента для меня украинское сообщество не существует. Вообще.

И: Угу.

И: То есть, не было, как бы, никаких контактов, никто не писал ничего?

Р: В единоличном порядке. Писали ребята, там, которые, там, были мои друзья, там, некоторые, всё. Но после того, как выложили этот пост, никто... Там же ж, получается, [медиа] подхватила это всё, потом с [медиа], там, какая то дурочка, корреспондентка, подходила, не разобравшись во всём, от.

И: Угу.

Р: Потом, когда выяснили это всё, с [медиа] звонили, извинялись, убрали эту всю чепуху, потому что ну... ну, реально.

И: Ну спасибо, шо извинились, как бы, но... но да.

Р: Человек выложил пост, она выложила – я каким боком вообще к её посту...

И: Угу...

Р: Ну, по большому счёту или кто-то вообще, вот, из моих ребят – каким, от, боком к её посту?

И: Ну, Вы тренер, откуда Вы вообще знали кто она такая...

Р: Ну вот...

И: Зашла женщина, оттренировалась, ушла, а потом...

Р: Вот главное – это... ну мы столько помоев здесь наслушались...

И: Угу.

Р: Ну, вот, и даже, от, люди, от, до войны... Он с другого города, он жил здесь у бабушки, он приезжал, получается, но не было денег, да, там. Тренировались бесплатно, получается, одевал,

помогал, возил домой, там, всё, – это до войны всё было, от. У него есть маленький брат, который жил с родителями в Николаеве. Это как, да, то есть... “К***, от, нема за шо купить [спортивный инвентарь]”, туда-сюда, вся эта чепуха... У меня есть такая возможность, просто из-за границы часто бэушное присылают, да, там, друзья, от, всё. Произошла от эта ситуация, никто не выяснял.

И: Угу.

Р: И он мне пишет: “Всё, я тебя презираю, ты тренируешь убийц наших детей”. Понимаете? То есть, от это предательство, понимаете, то есть... Ну, для меня это сейчас большой вопрос. Очень.

И: Угу...

Р: Мне настолько противно вот это всё, и не только мне, тем ребятам, которые тоже на тренировки, то есть, это настолько низко, от это всё. И шоб кто-то позвонил хоть раз, когда уже всё выяснили, когда это всё закрылось... Написал или позвонил и извинился – ни единого человека. Вот. И опять же, то есть, я написал этот пост потом... Когда началось от это, ну, я не могу сказать, шо это травля, от, это помой вот эти все, в интернете когда начались, получается... Я понимаю, ну... в открытую высказать свою позицию, там, в поддержку, там, допустим меня, да – ну, страшно, потому шо не в тренде, там, все, там, от, получается. Ну в личку напиши хотя бы: “К***, там, да, мы, там, или с тобой...” То есть, девяносто процентов друзей потерялись. Я просто написал: “Я вас всех презираю, всех, кто промолчал, – я написал, говорю, – Кто против меня высказывался – я вас уважаю, у вас есть своя позиция, у вас есть свои взгляды, это ваши взгляды, всё. Но тех, кто промолчал – це, ну, я вас призываю, всё”, – я написал.

И: Угу.

Р: Вот это противно.

И: Ну да, я тоже, как бы, ну, когда, там, сидишь, не знаю, в Киеве, во Львове – это одно, а когда сидишь здесь...

Р: Ну, нам писали: “Ну, там, ну, напиши, там, Херсон – це Украина, ну, ну, в соцсетях, там, баннер выложи, напиши, Крым – це Украина, там, туда-сюда...”

И: Угу.

Р: Ну, так ты приезжай в Херон!

И: Да-да-да.

Р: И пиши, ну правильно? То есть разные реальности вот: мы не понимаем их, они не понимают нас. Всё, это... но это не страшно, страшно, что люди не хотят друг друга понимать, вот это страшно. На самом деле все одели маску, понимаете? И вот, я прав... от, мы с вами ругаемся – я прав. И мы не стараемся какой-то консенсус найти для того, шобы примириться, шоб друг друга понять, мы этого не пытаемся – вот это плохо, это странно, и это ведёт в тупик на самом деле.

И: Ну да, как бы, мы же хотим, ну, всё-таки, шобы...

Р: Был мир!

И: ... Украина, да, восстановила все свои территории, и всё, а, как бы, а что дальше, если вы будете продолжать, как бы, травить донецких и дальше, то, ну...

Р: Смотрите, это, все от эти восемь лет, семь лет... Ну, я просто люблю футбол, там, болельщик, вот, там, “Шахтер” – “Динамо”, да, у нас противостояние, всё, ну, и после каждого момента идет куча комментариев, там, обсуждается это, да, ну, на сайтах: “донбасяне”, там, туда-сюда. Ну как же вы говорите, что Донбасс – это Украина, Донецк – это... И в то же время вы их обсираете. Вам нужен Донецк или вам нужны люди, которые там живут? Ну, не все ж люди, которые там остались, они, там, плохие, правильно, такого быть не может, так не бывает. Нет плохих лю... народов. В каждой в структуре есть мразь, есть нормальный человек, в любой структуре, и всё.

И: Но честно, мне кажется, что новый, как бы, я об этом всем, как бы, думаю, когда человек с Донецка, что люди даже не понимают, что это обидно. То есть мне иногда на полном серьезе могут, мне лично, вот, сидя, там, в кафе, баре значит, рассказывать, что типа, донецкие, да они такие-такие, такие такие, типа...

Р: Это бред.

И: Ну, вот я сижу здесь донецкая, вот, как бы, я, там, выросла, я, там, в школу ходила. Сейчас на моей школе флаг ДНР, мне это не нравится. Никто, как бы, из моих, там, родственников это не поддерживал, а даже если бы кто-то из родс... ну, я это я, да. Но люди вообще не понимают. Я говорю, ты... потом я говорю: “Ты понимаешь, типа, ты сейчас мне, как бы, рассказываешь вот про то, что, типа, все донецкие такие-то, такие-то, а я вот здесь, как бы, это... чё я вообще обязана это слушать?” Ещё такое: “Ну в смысле, ну как это? Ну это же не ты!” Я говорю: “Так нет, это же, ну я же, блин, донецкая!” Вот... *(нервно улыбается)* Да и... не знаю.

Р: Ну, меня просто вот как начала интересоваться эта тема... Именно когда началось Донецке, да, там, на Донбассе, я тоже как-то, ну, не касается и хрен с ним. Вот. А потом я, получается, работал в Польше, ездил в Польшу на работу, да, а там есть много пацанов, которые, да, ну, тоже там работают...

И: Да-да-да.

Р: Вот. Я ж, как от в наших СМИ это всё было представлено, что, там, ужас, там, ну просто, там, всё, от. Я говорю: “А ты когда с Польши будешь же ж в Украину возвращаться, туда не поедешь?” Он: “Та не, я домой поеду”.

И: Угу.

Р: Я говорю:
– В смысле, а у вас же ж там, рассказывают, что так и так...
– Та нет.

И: Ну жили люди, и всё.

Р: Ну от и я начал задумываться, ну, если так всё страшно, а чё они, ну, едут, не, ну, не в Украину, а туда...

И: Угу.

Р: Ну, я ковырялся в этом вопросе ещё до войны. Мне это стало интересно, я начал ковыряться, ковыряться, а потом... получается, я, тут работали тогда, приезжал пацан к нам, сварщиком работать с подконтроль... ну, под ДНорвской территории.

И: Угу.

Р: Ну, получается, были КП, они спокойно выезжали на территорию. Как-то город называется, как-то Зугрэс... как-то такое.

И: Есть-есть.

Р: От, шото такое. Я такого до этого от и не слышал, шо такой город. От, и я говорю: “О, так ты оттуда свалил, ну, останешься ж, ну, тут в Херсоне, всё”. Он: “Не-не-не, я приехал на заработки, – потом, получается, ну, просто он нашёл работу сварщика, здесь высокооплачиваемое, – А потом поеду домой”. Говорю: “А как ты к этому, – ну, вот мне было интересно, я у него спросил, – Как ты к этому, вообще, конфликту, ко всему относишься?”

И: Угу.

Р: От, он говорит: “Я ненавижу Украину”. Я говорю: “В смысле?”

И: Ну... Люди видели, как обстреливает ЗСУ их город, как бы, после этого разные очень мнения.

Р: Вот он мне рассказал такую ситуацию. Это мы в газетах читали, шо кондиционеры взрывались, шо когда началась эта чепуха вся, то с самолёта бахнули, там, по городу и погибли люди. И он говорит: “Почему я...”. И вот, понимаете, вот... У каждого свое мнение на экономику на это, на это всё.

И: Да, этот опыт, он, как бы, такой, что, ну, как сейчас, ну, многие говорят, что я с русскими общаться не буду никогда ни за что. Ну, там, то тоже, как бы, ну, у людей, там, в Донецке, в Луганске, в Горловки, ну, вот у них есть опыт, когда они видят, как бы, город бомбят просто, как бы, полностью и... Я тоже раньше, ну, как бы, не до конца понимала... Ну, потому что люди часто очень уверены, что они слышат все, как бы, прилёты, что они в этом разбираются – мне раньше это казалось, что, ну, нет, как бы, человек не может... Но сейчас это, по сути, единственный самый надёжный источник – это то, что мы слышим, потому что ни ОБСЕ, уже всех, как бы, оттуда выгнали. Вот, и получается, что, ну, люди, даже если они неправильно слышать все эти звуки, ну, то они же всё равно, как бы, они верят тому, что они слышат. Ну и да, у многих на Донбассе, как бы... Они прекрасно помнят, как ЗСУ их бомбило и...

Р: Всё не так однозначно на самом деле, поэтому...

И: Угу. Хорошо, спасибо большое.

Р: Вас провести?